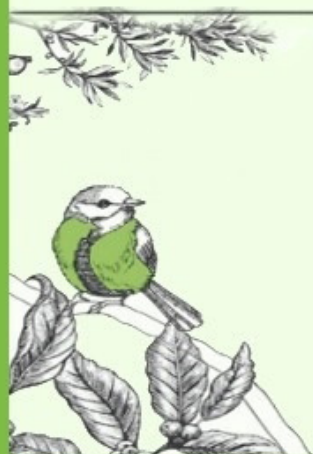

ТАНТРИЧЕСКИЙ КВЕСТ ДАОССКИЕ СЕКРЕТЫ ЛЮБОВНОГО ИСКУССТВА

Даниэль Одье

**Тантрический квест: встреча с
абсолютной любовью. Даосские
секреты любовного искусства**

ИГ "Весь"

1997, 2015

УДК 159.9
ББК 88.6

Одье Д.

Тантрический квест: встреча с абсолютной любовью. Даосские секреты любовного искусства / Д. Одье — ИГ "Весь", 1997, 2015

ISBN 978-5-94-436505-7

Тантрический квест: встреча с абсолютной любовью В 1968 году Даниэль Одье покинул римскую Академию изящных искусств и отправился в предгорья Гималаев, чтобы фотографировать тибетскую живопись. Ему было двадцать три года, и он, очарованный восточными мистическими учениями, искал учителя, чтобы проникнуть туда, куда не могли привести его священные тексты и интеллект. В этом путешествии Одье открыл для себя шиваистский тантризм – тайный духовный путь, направленный на выход за пределы эго и открытие божественного начала через энергию страсти. Эта древняя философия пережила все исторические потрясения и сторонние влияния и дошла до нас благодаря непрерывной передаче знания от учителя к ученику. После нескольких месяцев духовных поисков Одье встретил Дэви, великую женщину-йогиню, которая пригласила его в мистическое путешествие. Иногда расширяя границы его сексуального опыта, иногда угрожая ему смертью, она учила его тому, что значит быть по-настоящему живым, и помогла осознать божественную природу абсолютной любви. Через историю своих отношений с Дэви Одье открыто и просто рассказывает о философии и практиках тантризма, которые освобождают накопленные негативные энергии и позволяют нам заново открыть гармонию, полноту и свободу быть собой, наслаждаясь полным контактом с реальностью и Вселенной. Даосские секреты любовного искусства Лиза Питеркина – писатель, член Союза профессиональных литераторов России, журналист, автор семинаров по искусству построения взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Чтобы быть привлекательной для мужчины, женщина не столько должна иметь красивые черты лица или стройную фигуру, сколько быть олицетворением гармонии, а значит, излучать особую энергию. Именно здоровая женская энергия притягивает мужчин сильнее всех внешних черт и душевных качеств! Откуда брать энергию, как ее

сохранять и приумножать, а главное, как направлять на улучшение отношений с избранником – именно этому можно научиться в китайском учении Дао. Но сакральные тайны передаются только избранным. Проводником этого учения для Лизы Питеркиной стал китайский мастер Дао, потомственный целитель Цзи Сяоган. Этот уникальный по силе и знаниям человек учился у мастера высочайшего уровня Пан Мина и представляет одну из самых сильных даосских школ Китая. Если вы хотите всегда оставаться не только самой желанной, но и единственной любимой женщиной для вашего избранника, Лиза Питеркина готова поделиться с вами даосскими секретами любовного искусства от учителя Цзи Сяогана.

УДК 159.9

ББК 88.6

ISBN 978-5-94-436505-7

© Одье Д., 1997, 2015

© ИГ "Весь", 1997, 2015

Содержание

Даниэль Одьё	6
Введение	8
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Даниэль Одь
Тантрический квест: встреча с абсолютной любовью

Daniel Odier

Tantric Quest: An Encounter with Absolute Love

Перевод с английского *Сергея Комарова*

Перевод на русский язык осуществлен с помощью агентства «Montse Cortazar Literary Agency» (www.montsecortazar.com).

© 1996, 1997 by Daniel Odier

© Перевод на русский язык, издание на русском языке. ОАО «Издательская группа «Весь», 2019

Посвящается Калу Ринпоче и Дэви, моим учителям

*На самом деле, каждое тело – это Вселенная.
Маханирвана-тантра*

Введение

Шиваистский тантризм Кашмира занимает важное место в истории мысли. Это мистическое, научное и художественное движение дравидийской культуры, возникшее семь тысяч лет назад в долине Инда, охватывает весь человеческий потенциал и отводит особое место адепту, который полностью посвятил себя этому пути познания. Вероятно, тантризм это единственная древняя философия, которая пережила все исторические потрясения, вторжения и влияния и пришла к нам в целостности и сохранности путем непрерывной передачи от учителя к ученику, а также единственная, сохранившая образ Великой Богини, не перераспределив власть между женщиной и мужчиной в пользу последнего. Великие женщины-учителя основали целые линии преемственности, и до сих пор многочисленные йогини передают эту вековую мудрость. Великие мужчины-учителя часто использовали обычай инициации учениц для получения силы.

Дравиды, которые были хорошими мореплавателями, построили великие города Мохенджо-Даро и Хараппа. Их цивилизация простиралась от долины Инда, на территории современного Пакистана, до Красного и Средиземного морей. Вторжение арийских племен с Украины три тысячи лет назад положило конец дравидийской цивилизации, но мощное мистическое движение, лежащее в ее основе, сохранилось. Учителя тайно покинули захваченные цитадели и поселились в сельской местности и в труднодоступных местах по всем Гималаям.

Шиваистский тантризм вновь открыто появился в начале IV века н. э. в Кашмире, расположенном на перекрестке великих культурных и торговых путей. Кашмир был частью таинственной страны Уддияны, расположенной между Афганистаном, Индией и Пакистаном. Ее долины раскинулись по берегам реки Сват, места рождения многочисленных махасиддхов и дакини, великих тантрических инициаторов, которые распространяли учение по всей Индии, Непалу, Китаю и Тибету.

Шива и Шакти, неразлучная божественная пара, являются богами экстатического танца и создателями йоги, которая позволяет адептам находить божественное в глубине собственного разума, открывая сердце.

На Западе обычно воспринимают Вселенную, основываясь на двойственности: вначале «отделил Бог свет от тьмы» (Бытие 1:3). Важно понять, что тантризм не предполагает никакого разделения на свет и тьму, людей и богов. Он не двойственен. С точки зрения тантризма разум, по сути, просветлен. Иными словами, разум вмещает всю божественность. Это источник, из которого все рождается и к которому все возвращается: все явления, все различия, все мифические и божественные существа, все священные тексты, все учения, все иллюзорные двойственности. И цель тантристов состоит в том, чтобы освободиться от иллюзорных неясностей, из которых возникает эго, порождающее эти различия. Так адепты тантризма осознают собственную природу в сущности чистого разума.

В рамках дуалистического мышления мы представляем Бога вне нас и направляем желание единения вовне. При отсутствии двойственности духовный поиск идет в обратном направлении. Мистическая энергия направлена внутрь, обращена к разуму. Осознание природы разума, таким образом, является высшим достижением. Согласно этой концепции огонь страсти больше не считается несовместимым с мистической жизнью. Тантрист стремится познать и пробудить энергию, скрытую в теле, и пламя этого великого пожара растворяет это.

Излишне говорить, что широко распространенное представление, согласно которому тантризм сводится к неким сексуальным техникам чудесного освобождения под видом духовности, не имеет ничего общего с шиваизмом. Такие практики неэффективны, так как не основаны на истинном аскетизме йоги, который базируется на овладении техниками дыхания и телесной осознанности, а также на достижении состояния ясности и пустоты. В лучшем случае подобные практики являются лишь безвредными девиациями, если речь не идет о манипуляции.

Тантризм – это путь абсолютной любви, который дает свободу быть самим собой.

Хочу рассказать историю моей встречи с великой йогиней и знакомства с ее учением – и поделиться этим чудесным опытом.

Глава 1

Ее темная кожа благоухала и была умащена маслами, казалось, что йогиня плыла в пространстве, ноги ее были расставлены v-образно, лицо ее светилось. Ее открытые половые органы, где все зарождается и куда все возвращается, излучали золотистый свет, гармонично сочетающийся с синевой неба. Я по-прежнему зачарованно сидел рядом с китайским йогом, который пригласил меня в свое жилище. Йогиня, его спутница, одновременно близкая и далекая, тело и дух, сила и дар, восседающая в йогической позе, была воплощением необычайного потенциала.

Этот йог практиковал тантризм и чань-буддизм, или дзен-буддизм китайского происхождения, следуя примеру индийского учителя шестого века Бодхидхармы, продолжателя этих двух линий. Двадцать восьмой патриарх после Будды и первый патриарх дзен-буддизма Бодхидхарма прибыл в Китай морем и обосновался в знаменитом монастыре Шаолинь, где он провел девять лет, медитируя перед каменной стеной, прежде чем передать дхарму (учение) Хуэй-кэ, второму китайскому патриарху.

Диалог между Бодхидхармой и китайским императором У из династии Лян, защитником буддизма, который был озадачен лаконичными ответами первого патриарха, до сих пор хорошо известен:

- Какую добродетель я приобрел, поддерживая буддизм и строя так много храмов?
- Никакой.
- Каков высший смысл священной истины?
- Ничто не священо. Все пусто.
- Кто стоит передо мной?
- Я не знаю.

Учение Бодхидхармы основано на четырех принципах.

- ***Прямая передача, кроме буддийских писаний.***
- ***Опора не на тексты, а на опыт пробуждения.***
- ***Открытие каждому ученику природы его разума.***
- ***Созерцание своей истинной природы, которая является природой***

Будды.

Мы можем видеть, что эти четыре основных постулата соответствуют учениям тантрического шиваизма, которые являются их источником.

Когда я уезжал, хозяин передал мне копию своего комментария и перевода Виджняна-бхайрава-тантры, одного из самых древних и глубоких тантрических текстов, высоко ценимых шиваитами. Эта тантра позволила мне узнать о Великой Богине и пути, который семь лет спустя в другой части Индии привел меня к встрече с моим учителем, шиваистской йогиней Дэви.

Мой интерес к буддизму, индуизму и тантризму проявился очень рано. Обучаясь в суровом протестантском аббатстве у подножия высокой скалы, я открыл для себя великолепие религиозных служб и увлекся ими. Там я иногда служил в малиновом одеянии, отделанном кружевом. Местный епископ, сказочные сокровища, подаренные аббатству Карлом Великим, фантастически талантливый органист и превосходный хор, частью которого стал я сам, пленили меня с самого начала. Очень строгие занятия и месса в 6:30 каждое утро, а затем полчаса работы перед завтраком – это то, что было необходимо для выработки моего характера. Телесные наказания все еще практиковались – набор различных пыток, таких как стояние на коленях в течение часа со скрещенными руками и словарем в каждой руке. Иногда в свободное время нас заставляли бесконечными часами переписывать тексты латинских авторов или страницы из словаря «Малый Ларусс». По ночам мы молча выходили из огромных спален и устраивали странные встречи на крышах, куда приходили покурить и поговорить о любви. В таких местах мы чувствовали жуткое одиночество и невыносимую нехватку любви; бывали попытки самоубийства, вынужденные откровения, кровавые драки, от которых у меня до сих пор остались шрамы, и грязные любовные истории. Тем не менее непревзойденное мастерство учителей, их религиозное рвение, личность директора, который носился на мотоцикле в развевающейся на ветру сутане, и общая атмосфера места пленили меня.

В тот период подруга моих родителей, красивая и бунтарская художница, которая была немного похожа на Аву Гарднер и ездила на красной «Альфа Ромео», начала поощрять мою страсть к искусству вообще и живописи в частности. По ее совету я занялся рисованием. Вернувшись в Женеву, откуда я родом, продолжил учебу в другом религиозном колледже, гораздо менее строгом, хотя один из учителей любил давать нам «динамо» – устройство, которое могло мощно взрываться, хотя и считалось безвредным.

Я мог приезжать к родителям каждые выходные и пользовался этой возможностью, чтобы навещать свою наставницу и часами говорить с ней о живописи, музыке и литературе. Я был безумно влюблен в нее.

На мой шестнадцатый день рождения она пригласила меня на ужин в роскошный ресторан. Сидя в больших удобных креслах, мы ужинали при свечах. Я думал только о том, как признаться ей в любви. В тот вечер она дала мне прочесть Бхагавад-Гиту, один из ключевых индуистских текстов, с комментарием Шри Ауробиндо, великого мудреца, на которого тантризм оказал глубокое влияние. Этот «духовный» подарок только раздул пламя. И мое сердце стало напоминать один из трех лотосов, изображенных на шафрановой суперобложке этого бесценного собрания мудрости, многие книги которого я впоследствии открыл для себя.

Что касается моей страсти, то она осталась тайной. В качестве утешения позже я получил доступ к пятитомнику «Жизнь божественная», главной работе этого великого индийского философа. Затем, все еще тайно влюбленный, я получил трехтомник Д. Т. Судзуки «Очерки по дзен-буддизму». Теперь моей единственной страстью было стать мистиком. Мне помогли в этом священники. Дважды они конфисковали мои книги Ауробиндо, которые я немедленно купил снова. Если бы не они, разве стал бы я с таким упорством цепляться за эти сложные книги?

Спустя некоторое время моя любовь уговорила меня сдать конкурсный экзамен в римскую Академию изящных искусств, и я выиграл стипендию. В Риме я познакомился с молодой актрисой из труппы Кармело Бене и влюбился. Именно там я почувствовал вкус полной свободы в чудесных цветах охры, садах, фонтанах, ароматах сосен и эвкалиптов и возбуждении толпы, когда друг с другом встречаются художники из всех стран мира. Это была та жизнь, о которой я мечтал холодными ночами в годы учебы в аббатстве. Тогда, в душевной атмосфере деревни, я чувствовал себя как в замкнутом пространстве.

Конечно, я привез с собой любимые книги, совершенно потрепанные, и тщетно пытался совместить чудесную, неистовую жизнь с уроками мудрости великих учителей дзен-буддизма.

Я испытал сильную разрушительную страсть, а затем – более гармоничную любовь. Я покинул Рим, чтобы поселиться в Сперлонге, маленькой белой деревушке, возвышавшейся над морем, и, забросив живопись, начал работать над своим первым романом.

Покинув римскую Академию изящных искусств, я познакомился с художественным редактором Альбертом Скирой. Я был восхищен тибетской живописью и предложил ему издать книгу. Скира, впечатленный моим энтузиазмом, сравнимым только с моим невежеством, заставил меня взять несколько уроков художественной фотографии.

Подобрав необходимое оборудование, я отправился в Индию фотографировать картины. Я даже решил найти способ примирить свой фантастический аппетит к жизни с практикой мудрости, чего я не мог добиться одним лишь чтением, и эта проблема держала меня в состоянии постоянного дисбаланса. Моя страстная чувственная жажда не могла прийти в равновесие с духовными устремлениями. Я постоянно разрывался между духом и плотью и не понимал, как достичь полностью очаровавшей меня безмятежности, уходящей корнями глубоко в жизненную реальность.

Похоже, в душе я не был аскетом. Я не мог представить себя живущим в пещере. Я хотел всего: красоты, искусства, плоти, ярких эмоций, любви, чувственности и духовности. Мне казалось, что наша система западной мысли, основанная на разделении, жертве, первородном грехе, чувстве вины и страдании, не могла оправдать моих ожиданий, несмотря на блестящие мысли, которые я обнаружил у греческих философов досократического периода и некоторых христианских мистиков.

Осенью 1968 года я прибыл в зеленые предгорья Гималаев. Мне было двадцать три года. Я искал учителя, который мог бы помочь мне проникнуть туда, куда священные тексты и интеллектуальные поиски больше не могли вести меня. Я искал способ объединить все мои стремления и изыскания, а также использовать поразительную энергию страсти в сочетании с божественным.

Я наивно выделил себе целый год на интенсивную практику и решил позволить Шакти вести меня к тому, кто поможет проникнуть в суть тантрического учения. Я и не подозревал, что этот путь займет четверть века. Двадцать пять лет, в течение которых я буду задавать вопросы, мечтать, упражняться, переживать успех и неудачи, страдать и радоваться, а затем наконец брошу все, что в 1993 году неожиданно выльется в то, что я не представлял возможным: посвящение в махамудру и открытие сердца.

Махамудра, или «Великая печать», является последней инициацией школы тибетского буддизма Кагью, в ходе которой учитель показывает ученику природу его истинного разума и передает ему способность непосредственного понимания.

Если этот процесс проходит успешно, то это не-метод (анупайя) в противоположность всем постепенным стадиям и предварительным посвящениям. Как только природа разума осознана, больше нет никакого дуализма и, следовательно, нет никакого метода, никакой цели, и больше ничего не нужно делать, кроме как позволять всему быть, сохраняя разум в его естественном состоянии – спокойном, пробужденном, божественном.

Глава 2

После первых недель в Гималаях я отправил пробную пленку с фотографиями тибетской живописи, и мой редактор выразил свое одобрение. Оставалось лишь проникнуть в тайну этого типа живописи и объяснить ее глубинный смысл. Для этого мне нужно было встретиться с мастерами.

Во время долгого паломничества я прошел большую часть Гималаев, переходя от монастыря к монастырю, чтобы сфотографировать самые красивые картины, иногда находясь в пути неделю или две, чтобы достичь отдаленных мест. Мало-помалу я проникся чрезвычайно богатой и тонкой символикой этой магической картографии, отображающей состояния сознания при различных формах медитации. Теперь было необходимо перейти от теории к практике.

После шести месяцев напряженной работы я решил вернуться в Нью-Дели, чтобы довести плоды своего труда одному дипломату, который лично доставил бы их моему редактору. Предстоящий год казался мне благоприятным для написания текста. Сделав фотографии для книги, я планировал стать последователем учения какого-нибудь великого тибетского учителя. Прделанная работа дала мне возможность встретиться с высшими авторитетами различных школ. Теперь мне следовало вернуться к тем, кто произвел на меня самое большое впечатление, и попросить одного из них взять меня в ученики.

Как раз перед прибытием поезда на вокзал Дели отключилось электричество и на несколько минут погас свет. Когда снова включили освещение, я понял, что мой чемодан с пленкой и фотоаппарат исчезли.

В состоянии шока я подал жалобу в вокзальную полицию и пустился в отчаянные поиски.

Взбешенный и измученный, я провел ночь, обыскивая все близлежащие мусорные баки и напрасно допрашивая тех, кто спал на улице, в надежде, что вор бросил мою сумку с пленкой. Я думал о долгих и трудных переходах, о чудесах, которые я открыл, и иногда о моем долготерпении. Это были сотни километров, которые я прошел пешком, бесчисленные встречи и с трудом полученные разрешения и прежде всего сокровище из многих тысяч негативов, возможно, исчезнувших навсегда. На помощь мне пришла шайка сообразительных, находчивых уличных мальчишек, знавших окрестности, и я пообещал им большую награду. Наступил рассвет, никаких следов пленки найти не удалось.

Горько и разочарованно наблюдая, как исчезает мой шанс опубликовать книгу с замечательным редактором, я решил остаться в Дели дней на десять или пятнадцать. Первым делом я снял номер с ванной в роскошном отеле на улице Джанпат, чтобы получить удовольствие, которого я не испытывал уже в течение нескольких месяцев. Я купался в реках, священных и обычных, в ручьях и озерах, но ни разу не принимал ванну. К этому времени я уже носил на шее несколько защитных шнурков от всех моих встреч с ламами и ринпоче. Я наполнил горячей водой ванну, стоящую на когтистых лапах, и, дрожа от удовольствия, погрузился в

нее. Оказавшись внезапно в горячей воде, шнурки начали сжиматься, и я избежал удушения, только потянув их обеими руками. Это была жесткая посадка, очень тибетская по своей сути, прекрасно указывающая на непостоянство вещей.

Непостоянство – одно из основных понятий буддизма. Рано или поздно все заканчивается или изменяется.

Поскольку все взаимосвязано, лишено внутренней реальности и пусто, необходимо основываться на том, что не имеет характеристик: на пробуждении.

Это не пессимистический взгляд на жизнь, а, наоборот, мощное противоядие от иллюзий. Ясное восприятие непостоянства всех явлений перерастает в некое осознание, которое не позволяет миру стать статичным. В тот вечер непостоянство моей собственной жизни стало больше, чем просто концепцией.

Начиная со следующего дня я топил свое разочарование в бассейне в объятиях двух молодых американок, с которыми познакомился в исторической ночлежке мисс Колако на улице Джанпат – гостевом доме, через который прошли все звезды поколения битников, известные или неизвестные поэты, музы и роковые женщины, а также значительная часть тех европейских и американских мечтателей, которые попали в духовный вихрь Беркли, большую волну протестов в американских университетах и последствий мая 1968 года.

В ночлежке мисс Колако можно было найти невероятную этническую и культурную мешанину, пестрое сборище, полностью находящееся в плену тантрической лихорадки, сведенной к ее простейшему выражению: безудержно освобождающей сексуальности. Там бывали Гинзберг и многие другие американские поэты. Музы читали слушателям стихи, одновременно зачарованные и сбитые с толку гашишем, а затем проводили любовные ночи в бесконечном экстазе с волосатыми гуру, ламами и йогами. Им помогал в этом «Черный Бомбей», убойная смесь опиума и гашиша из Афганистана или Кашмира.

Там можно было наблюдать левитацию, путешествия в прошлые жизни, сеансы измененного состояния сознания, реинкарнации, безумные эго, пожираемые демонами в тибетском обряде чод, таинственные оргии в лесах, пробуждения и трансы, молниеносные всплески кундалини, этой мистической глубинной энергии, представленной изображением в виде змеи, свернувшейся кольцами у основания позвоночника.

Одна женщина из Калифорнии рассказывала, как она занималась любовью с тигром-аскетом во времена Будды; итальянский поэт сообщал о своем спонтанном озарении при виде Махариши Махеш Йоги, идущего по аэропорту Дели. В этом базовом лагере просветления можно было узнать, каким путем тайно добраться до горы Кайлас и обойти ее, а также как встретиться с членами тайного братства Девадаси, или «слуг Бога», состоящего из женщин, занимающихся поэзией, музыкой, танцами и священным сексом. Они все еще существовали в нескольких храмах, как утверждали посвященные, затем предлагая дать вам нужные координаты. В их объятиях вы могли бы полностью познать экстаз, высеченный в камне в Каджурахо или Махабалиपुरаме.

Там обменивали пленку с записями Фрэнка Заппы на адрес опиумного притона в Старом Дели, паспорт – на имя непальского шамана с необычайными способностями, ночь любви – на передачу мантры, ритуальных формулировок, с помощью которых медитирующий подключался к определенным космическим силам. Все медитировали, входя в самый глубокий транс, нетерпеливо топчась у «дверей просветления», пытаясь проникнуть в его внутренние покои. Адепты индуистских гуру вступали в длительные споры с теми, кто был предан тибетским учителям, и ночь встречала рассвет в сонном оцепенении.

Один швейцарский гость не выходил из самадхи уже двенадцать дней. Гопи, небесные даярки, любимые богами, приходили искушать его или доставлять ему наслаждения. Некото-

рые пытались защитить его, другие кричали ему в ухо безумные слова. Швейцарец пребывал в глубоком оцепенении, а мисс Колако наблюдала за всем этим мистическим возбуждением усталым и пристальным взглядом. Поджидала тайных гостей, когда они проходили мимо, и, чтобы угодить им, притворялась, что верит их тысячам историй об исчезнувших чеках и призрачных кредитных переводах.

«Камасутра», классический трактат по индуистскому мистическому эротизму, всем открывала свои секреты, и через мансардные окна можно было наблюдать самые удивительные совокупления будущих тантристов или радостно присоединиться к ним самому в то удивительное время, когда в ночлежке мисс Колако обитали только неопасные вирусы.

Пятнадцать дней невероятных событий на этом мистическом базаре снова вернули меня на дорогу в Калимпонг, где я вновь посетил его святейшество Дуджона Ринпоче. Вежливого человека, впечатляющего на вид, иерарха йогов школы ньянгма и великого мастера дзогчена, практики, которая состоит из спонтанного осознания природы собственного разума независимо от какой-либо концепции или учения. Дзогчен очень близок к махамудре школы кагью, которая испытала его влияние. Дзогчен, в свою очередь, подвергся влиянию чань-буддизма и шиваистского тантризма, основное учение которого, Пратьябхиджня, буквально означает «спонтанно осознавать природу своего разума, или истинного „Я“». Эти четыре школы относятся к «внезапному» типу учений и описываются как ануपाия, или не-метод. Они являются результатом и квинтэссенцией йоги и тантры.

Я надеялся обучаться у Дуджона Ринпоче, но полиция давала иностранцам разрешение только на трехдневный визит. Этот великий мастер послал меня к одному из самых впечатляющих лам кагью Калу Ринпоче, который в основном передавал махамудру и находился в более доступном регионе.

Несколько дней спустя я прибыл в Сонаду, где бесконечно доброе выражение лица Калу Ринпоче вернуло меня к духовной реальности. Мое несчастье, потеря результатов моего труда были для лам высокой комедией. Монастырь сотрясся от приступов всеобщего смеха. Калу Ринпоче просто сказал мне, что преждевременно публиковать такую книгу. Когда он таким образом напомнил мне о непостоянстве, я смог под его руководством продвигаться к более глубокому пониманию природы своего разума.

Карма – то есть действие, а также его значение и последствия – вернула меня на путь благодаря вмешательству вора. Все мои духовные приключения были вызваны кражей в Дели, и без нее я, вероятно, мог упустить свой самый большой шанс. Со временем моя ненависть к вору превратилась в принятие, а затем в глубокую благодарность. Несколько недель спустя Калу Ринпоче дал мне имя в дхарме – Карма Сонам Чопел (тот, кто благословлен кармой и кто может овладеть путем).

Последующие месяцы были посвящены интенсивной практике. Я посещал ежедневные занятия с Калу Ринпоче в качестве первой инициации. Большую часть времени я проводил в комнатах Ринпоче или, устроившись в башенке храма Сонады среди мешков с зерном, тренировался визуализировать мандалу моего божественного покровителя. Путем последовательного поглощения и растворения эта медитативная техника позволяла в течение длительного времени чувствовать пустоту разума.

Я прятался от индийской полиции, которая из-за пограничных проблем с Китаем сократила пребывание иностранцев в этом регионе Индии до трех недель.

Когда меня наконец арестовали и отвезли к государственной границе на военном джипе, я уехал в Далхаузи, куда обещал скоро приехать Калу Ринпоче. Я ждал два месяца, погружаясь в свою копию Виджняна-бхайрава-тантры. Одним прекрасным утром, получив предупреждение во сне, я начал спускаться по длинной грунтовой дороге и увидел Калу Ринпоче, приближающегося ко мне верхом на лошади в окружении монахов. Он остановил лошадь и на несколько секунд положил руку мне на голову. Я купался в свете.

После торжественного приема в главном монастыре под звуки труб и раковин я прошел с Калу Ринпоче в маленькую горную обитель, где он должен был дать последние уроки махамудры пяти йогам. Все они прибыли в один и тот же день, без сомнения, получив предупреждение, как и я. Некоторые шли уже много недель, их длинные волосы, завязанные узлом, служили убежищем для множества прыгающих паразитов. С необычайно напряженными преданными взглядами, сосредоточенными на тонком силуэте Калу Ринпоче, йоги следили за каждой интонацией его мягкого, вибрирующего голоса. Как и они, я был полностью поглощен силой передачи сказанного, не понимая смысла слов. Я прошел эту последнюю инициацию в тибетский буддизм лишь много лет спустя.

Тем не менее вместе со взятой на время камерой я привез из поездки в Непал книгу «Тантрические скульптуры Непала», которую Кристиан Буржуа опубликовал в издательстве *Éditions du Rocher*.

По совету Калу Ринпоче, очень беспристрастного в своем подходе к разнообразным мистическим путям, я отправился в Таиланд, в монастырь, где практиковали особенно интересную форму медитации. Я научился концентрироваться на светящейся жемчужине, расположенной на три сантиметра ниже пупка, и таким способом проходить сквозь завесы общепринятой иллюзии. Для проживания в монастыре настоятель выделил мне чудесный маленький храм посреди роскошного сада. Там же находились полдюжины японских дзен-буддистских монахов, которые по совету своих учителей пришли, чтобы пройти посвящение в практику «Малой колесницы». Универсальный дух Калу Ринпоче был открыт для практик различных школ, и знание о них казалось ему важным. Он не участвовал в спорах между тибетскими сектами, сосредоточив внимание на истоках буддизма, Хинаяне, или «Малой колеснице», чань-буддизме, даосизме и индийском тантризме.

Именно эта широта взглядов позволила мне с самого начала моей садханы осознавать связи между тантрическим шиваизмом, махамудрой, дзогченем и чань-буддизмом. За последние три-четыре года эти связи стали благодатной почвой для многих исследователей и ученых.

Затем, следуя рекомендации Калу Ринпоче, я оказался в Киото с одним учителем дзен-буддийской школы Риндзай, основанной великим чань-буддийским учителем XI века Линьцзи. Мое путешествие закончилось в Гонолулу, где даосский учитель, предупрежденный Калу Ринпоче, ждал меня в аэропорту. Этот странный человек, одетый в грязный, поношенный черный халат, петлял в потоке машин на своей бирюзовой «Импале», словно это был черный бык Лаопцы. От него я научился искусству кругового дыхания, которое идет через сердце, и особенно стабильной позе для долгих медитаций, в которой большой палец левой руки удерживается в правой руке. Когда пришло время идти, я получил еще одну порцию его юмора:

– Вернувшись во Францию и сев за руль машины, ты должен понять, что ты не где-то, а в дао.

Его гортанный смех затерялся в шуме, выцветший халат смешался с оргией разноцветных юбок, набедренных повязок и бермудских шорт.

С годами я не забывал его советов, но моя практика была прервана темными временами и сомнениями. Затем, между 1972 и 1975 годами, я предпринял несколько путешествий по северо-западу Индии, решив следовать указаниям, которые получил в своих предыдущих поездках, и найти великого учителя кашмирского тантрического шиваизма.

Глава 3

Следующие три путешествия привели меня к открытию величественных гималайских пейзажей Джамму, Кашмира и Химачал-Прадеша, а также большого количества «мудрецов», отшельников и шарлатанов, но решающей встречи так и не состоялось.

Вступить в прямой контакт с шиваистским тантризмом практически невозможно. Первая причина этой трудности связана с преследованиями, которым подвергался тантризм со стороны различных захватчиков: арийцев, мусульман Средневековья, а затем английских пуритан-колонизаторов. Вторая причина связана с секретностью, которая окружает учителей и ритуалы.

Как только появились эти захватчики, они стали оказывать сильное противодействие тантрическому шиваизму, который черпает силу из поклонения Великой Богине. Воинственное общество не может мириться с культурой, в которой женщина занимает столь важное место как источник и способ просветления, учитель и инициатор. Это идет вразрез со всеми идеями, которые поддерживают пуританство и другие вторгшиеся силы.

В шиваизме женщина олицетворяет силу, а мужчина – способность совершать чудеса.

Многие учителя были и остаются женщинами. В некоторых линиях передача осуществляется только от женщины к женщине, и как адепт женщина имеет большее влияние, чем мужчина, с точки зрения силы, смелости и глубины видения. В шиваистских текстах ясно говорится: «То, что мужчина-тантрист осознает за один год, женщина-адепт постигает за один день», – как будто она естественным образом связана со всем, что составляет забытую основу, общую для великих древних религий.

От кельтов до дравидов долины Инда, от Египта до Вавилона основа человеческой психики полностью соткана из женской божественности. Нашествия различных орд, часто менее варварских, чем предполагается, и носителей великой культурной мощи, навыков и знаний, которые вдохнули новую жизнь в индуизм и привели к удивительному расцвету искусств, никогда не могли подавить эту таинственную женскую силу, все еще живую сегодня в тантризме.

Женщину невозможно морально дискредитировать. Она не является источником греха, искушения и проклятия, как в трех великих монотеистических религиях, а также в некоторых течениях индуизма и буддизма. Напротив, она отвечает за передачу высшего мистического учения.

Эти женские достоинства, которые делают тантризм уникальным и удивительно современным, можно кратко определить как глубокую, гармоничную и мирную силу в противоположность насилию.

Спонтанность и открытость – в противоположность искусственному нравственному порядку, лицемерию, пуританству. Отсутствие двойственности, которое восстанавливает полноту человеческого бытия и позволяет найти божественное внутри себя. Либерализм, толерантность, непосредственное восприятие природы в целом, свободное от мыслей, – в противоположность тщетным спекуляциям религиозных сект и интеллектуалов. Любовь – в противоположность сексуальной эксплуатации. Уважение к природе – в противоположность бешеному истощению ее ресурсов. Абсолютная свобода от догм, духовенства, государства, кастовой системы и социальных, религиозных, диетических и сексуальных табу классического индуизма, происходящих из арийской ведической религии. Все эти ценности проистекают из безусловного уважения к свободе каждого человека, которую тантризм предлагает открыть заново, не заикливаясь на внешнем, иллюзорном поиске.

Значительная часть общества сегодня осознает, что мы должны вернуться к этим ценностям, иначе нас ждет хаос и разрушение. Тантрический путь открыт для всего богатства человеческой природы, которое он принимает без каких-либо ограничений. Это, пожалуй, единственный духовный путь, который не исключает ничего и никого и соответствует глубоким устремлениям современных женщин и мужчин. У тех, кто осознает в себе женскую силу и женское начало, источник красоты и постоянного развития, больше нет оснований вести войну между полами. Это осознание позволило им выйти за пределы постоянной двойственности, которая препятствует любому глубинному прогрессу.

Все семь тысяч лет¹ непрерывной тантрической традиции ей было свойственно невероятное умение прятаться от «чужеземцев». Эта осторожность существовала всегда. В Северной Индии тантризм распространен повсеместно, но чем ближе ты к учению, тем более скрытым оно кажется.

Много раз у меня возникало ощущение, что я нахожусь в шаге от места встреч, едва ли не сталкиваюсь с учителем или адептом, который мог бы указать мне верное направление. Но неизменно устанавливался «тантрический фильтр», и я оказывался один, непонятно где, неспособный понять, в какой момент стал жертвой дезинформации или шутки – вариантов тысячелетней системы защиты. В конце концов, разве я сам не был всего лишь новым типом захватчика? Почему эти двери должны быть открыты?

Выживание шиваистского тантризма не зависит от Запада. Его учителя все еще не реагируют ни на желание Запада импортировать его, ни на западное любопытство, ни на соблазн заработать. Тантризм не боится никаких политических сил, никаких исторических изменений. Это пламя всегда вспыхивает снова; эти учения вновь появляются, даже после самых темных периодов.

Одна из трудностей при встрече с учителем связана с тем, что традиционно тантризм развивается в сельской местности, в лесах, в уединенных местах. Большие собрания проводятся редко. Адепты обосновались в деревнях, и непосвященные, даже если они думают, что знают учителя, обычно боятся передавать эту информацию. Классический индуизм способствовал широкому распространению убеждения, что тантрические мудрецы обладают властью над всевозможными злыми силами и занимаются демоническими практиками. Как может быть иначе, если в мистицизме так высоко ценится женщина? Если в нем не признаются никакие касты или какие-либо социальные, диетические или моральные табу, которые соблюдают индусы?

Преодолев тысячи километров на автобусе, на джипе, пешком или на спине пони, после сотен банкнот, отданных за еду, жилье и информацию, я пришел к выводу, что шиваистский тантризм всегда будет ускользать от меня и я должен отказаться от попыток встретиться с одним из его учителей. Кроме того, как найти человека, чьего имени ты не знаешь? В шива-

¹ Самые древние тексты датируются 5500 г. до н. э. См.: Alain Danielou, *While the Gods Play* (Rochester, Vt.: Inner Traditions International, 1987). – *Примеч. ред.*

истском тантризме запрещено произносить или писать имя своего учителя. Иногда я оказывался перед заброшенной хижинкой, пустой пещерой или деревенским идиотом, которого мне выдавали за мудреца и который вполне мог им быть. Гораздо позже я понял, что внешность простака – это одна из любимых масок тантристов.

Затем в четвертом путешествии после нескольких бесплодных попыток я решил отказаться от поисков, забыть о карте издательства «Бартоломео», покрытой красными окружностями и таинственными маршрутами. Я больше не мог приставать к верующим, которые на рассвете уходили, чтобы оставить подношение или букет цветов у черного каменного лингама (фаллоса) Шивы, символизирующего разрушение иллюзии, воздвигнутого на пьедестале в виде вульвы, или йони, эмблемы таинственной космической силы. Я больше не мог ходить по крутым тропам обнаженных аскетов, измазанных пеплом, и рисковать быть насаженным на железные трезубцы, знак Шивы и символ тонких каналов в телах йогов. У меня больше не было денег, чтобы платить «информаторам», мои ноги покрылись волдырями, и я уже достаточно натерпелся, чтобы снова очутиться вечером на поляне или под молодой луной, где должен был состояться тантрический ритуал. Когда я задавал какие-либо вопросы о тантризме, почти всегда ответ был: «Что?», как будто речь шла о последних достижениях в физике.

Гималайские маршруты и тропы от Манали до Сонамарга больше не имели для меня секретов. Последний шиваистский учитель предположительно жил на вершине горы Кайлас, в том самом месте, где возродился Шива, чтобы передать тайные учения людям Кали-Юги, или темного века, начало которого я не видел (около 3600 года до н. э.) и конец которого не увижу (около 2440 года н. э.). Тем не менее мудрецы говорят, что тантризм точно соответствует потребностям, способностям и надеждам людей этого периода.

Однажды автобус остановился. Сошли две женщины, одна из них несла за ноги петуха. Деревни нигде не было видно. Даже не думая, я крикнул водителю, чтобы он снова открыл дверь. Я больше ни на минуту не хотел оставаться в этом автобусе, со всеми его дребезжащими болтами, когда под контролем водителя-сикха он с головокружительной скоростью несся вниз по склонам гималайских предгорий. Как только автобус уехал, я обнаружил, что нахожусь в приятной тишине. Женщины поднимались по тропинке и болтали, петух выражал протест. Я последовал за ними. Там, наверху, должна была находиться деревня.

Через полчаса я добрался до нее. На большом плато было разбросано около тридцати земляных домиков. Неподалеку извивалась река. Это казалось мне идеальным местом, где можно отдохнуть и забыть о тантризме. Ко мне подошел подросток, и я сразу понял, что должен довериться ему.

– Привет, сагиб, меня зовут Рам. Могу я помочь тебе?

Я попросил его подыскать мне жилье на несколько недель. Он нашел дом на краю деревни, рядом с великолепным баньяном, под которым я обнаружил несколько знаков Шивы: его лингам, прочно закрепленный в йони его Шакти, быка Нанди, его любимое средство передвижения, и несколько гирлянд цветов, а также несколько пирожных. Одно из них было украшено тонким слоем чистого серебра, дрожащего на ветерке. Одна деревенская женщина нанесла мне визит. Домик меня вполне устраивал. Кровать чарпой, деревянный ящик, перевязанный веревкой, маленький очаг на плотно утрамбованном земляном полу, уголок для стирки. Двадцать квадратных метров совершенства. С меня попросили тридцать рупий в месяц, и, как только сделка была завершена, мне принесли одеяло, кувшин питьевой воды, охапку дров, миску йогурта, четыре картофелины, лук, чайный пакетик, кастрюлю, немного масла, несколько спичек, соль и чайник. Это было сделано с тактичной деловитостью, которую вы найдете по всей Индии, как только покинете проторенные пути.

Пока все деревенские дети один за другим приходили, чтобы просунуть голову в дверной проем, Рам помог мне разжечь огонь и зачарованно наблюдал, как я открываю рюкзак. Я положил спальный мешок на чарпой, а многочисленные книги и блокнот – рядом с кроватью.

Я предложил ему жестяную коробку индийского сыра, и он повел меня в деревню, с гордостью представив меня врачу и его жене, а также другим жителям, которые смотрели на меня с удивлением. Что может здесь искать этот чужестранец?

Кратко рассказав о себе примерно двадцати любопытным, я ответил на настойчивые очаровательные вопросы бойких и вежливых детей и подростков. Затем я вернулся в тишину моего домика. Рам продавал чай с молоком и корнем имбиря в изящных маленьких бокалах из высушенной солнцем земли, которые выбрасывали после использования, и их крошащийся материал возвращался в землю. Каждое утро Рам приносил новые бокалы. Так мы привыкли с наступлением рассвета греться у его костра, пить и наблюдать, как хрупкие силуэты, закутанные в шали, выходят из тумана, поднимающегося над рекой, и приходят, дрожа, за бодрящим напитком Рама. Я чувствовал облегчение от того, что оставил свои поиски, и использовал утренний ритуал пробуждения для медитации, завернувшись в одеяло, прежде чем пойти пить чай, взяв с собой несколько углей для костра Рама. С большим достоинством юноша пользовался огромным ситом, в котором можно было найти весь чай, поданный с рассвета. Для каждого нового клиента он добавлял щепотку свежего чая.

Я так основательно забыл о тантризме, что большую часть своих дней проводил, гуляя вдоль реки и в лесу, часто в сопровождении Рама, взявшись с ним за руки, как это принято в Индии. Иногда меня сопровождали другие подростки. С большими темными глазами и длинными черными волосами, субтильные, полные достоинства, свободные и в то же время скромные, они тянулись к небу в той очень красивой позе, которая вырабатывается от привычки носить кувшины и тюки на голове.

У Рама был дружелюбный характер. Любопытный и энергичный, он знал все, несмотря на свой юный возраст. Между нами крепла настоящая дружба, питаемая его видением жизни, его надеждами, желаниями и страхами. Он живо усваивал новую информацию и уже обладал тем спокойным отношением к вещам, которое порой приходит только со временем. Он помог мне постепенно познакомиться со всеми жителями деревни, и вскоре я мог переходить из одного дома в другой, как будто там родился.

Иногда по вечерам я ходил поговорить с врачом, которому принадлежал единственный каменный дом в деревне. Выйдя несколько лет назад на пенсию, он стал практиковать аюрведическую медицину и продолжал лечить жителей деревни.

Я научился делать йогурт. Моя близость к баньяну и Шиве, где иногда оставляли деликатесы, позволяла мне воспользоваться подношениями, их приносили женщины в роскошных сари, яркие цвета которых мерцали в утреннем свете. Запах благовоний проникал в дом. Я ходил купаться в реке с ледяной водой. Читал и перечитывал Виджняна-бхайрава-тантру, усердно и регулярно упражнялся, что позволило снова достичь того состояния, которое было знакомо мне в конце первого года непрерывной практики, – состояния, в котором человек желает только одного: заниматься медитацией в течение нескольких часов, оставаясь неподвижным, как будто закрепленным в центре пространства, полным тепла, энергии, открытости, дышащим глубоко, ровно и безмолвно. В этом состоянии перед вами как бы проецируется мандала, в которой отчетливо видна каждая деталь, мантра течет как река, фазы поглощения плавно следуют одна за другой, пока вы не испытаете ощущение пустоты.

Я использовал этот особенно благоприятный период для практики гуру-йоги и для визуализации Ваджрадхары, тибетского божества, которое символизирует духовного учителя. Синие очертания его силуэта появились без усилий, окруженные пустым пространством. Впервые мне удалось регулярно практиковать йогу сновидений. Эта форма йоги позволяет человеку осознать сновидения и заняться медитацией, таким образом заменяя сновидение мандалой или непосредственно недуалистическим созерцанием. Когда я проснулся, эта медитация оставила ощущение замечательной свежести, глубокого покоя, свободного от анархической сути сознания; разум был ясным и открытым.

Вскоре я уже смеялся над своими безумными тантрическими поисками и испытывал простое удовольствие от пребывания в этой затерянной деревне, от прогулок и медитации в полном спокойствии. Калу Ринпоче часто говорил мне об умиротворенности, которая приходит с отказом от усилий, напряжения и желания достичь чего-то. Теперь я испытывал ее ежедневно. Каждое простое действие – утренний подъем, чашка-другая чая, немного еды, прогулка вдоль ручья с бирюзовой водой, вход в лес, чтение сутры, прогулка за руку со счастливым юношей под звездным небом – приносило мне ни с чем не сравнимую радость.

Однажды, пройдя несколько часов вверх по течению реки, я оказался у водоема, очень глубокого, с водопадом высотой четыре или пять метров. Это место, окруженное большими камнями, отполированными водами реки, было удивительно мирным. Оставшись один, я рассмеялся и искупался в глубокой темной воде, а затем обсох на теплом камне. Надо мной возвышался двенадцатиметровый утес и густой лес. Я заснул на солнышке, а когда проснулся, у меня появилось странное ощущение, что за мной наблюдают. Я огляделся и прислушался – вокруг не было ни души.

Чтобы подняться на вершину скалы, нужно было спуститься вдоль реки по крутой тропе. Я решил подняться наверх, чтобы исследовать опушку леса.

Оказавшись там, я обнаружил бугорок, с которого открывался великолепный вид на реку, водопад и соседние холмы, почти терявшиеся в золотистом свете. Я зашел на несколько шагов в лес и там обнаружил хижину, в которой было ложе из травы, очаг с теплой золой, терракотовый горшок, несколько белых одежд, выцветшее одеяло, несколько почерневших кухонных принадлежностей и чаша, сделанная из верхней части человеческого черепа, оправленного в серебро. Внезапно я представил себе аскета, угрожающего мне своим трезубцем, и поспешил удалиться.

Когда я возвращался, мое воображение пребывало в состоянии возбуждения, далеком от медитации. Я пробежал последние сто метров, сгорая от нетерпения поговорить с Рамом о своем открытии. Он ждал меня, спокойно сидя на выложенном камнем подножии баньяна.

Я рассказал ему о своем путешествии, и его лицо потемнело.

– Никогда больше не возвращайся к водопаду! Эта женщина очень опасна! В прошлом году она убила человека. Его тело выловили из реки. Она ест мертвых. Она тантристка!

Глава 4

В ту ночь я почти не спал, преследуемый мыслью, что рядом, в нескольких часах ходьбы, живет тантрическая йогиня. Описание, которое дал мне Рам, вряд ли было обнадеживающим. Я думал о человеке, найденном мертвым в реке. Тот факт, что Рам описал ее как пожирательницу мертвых, произвел на меня меньшее впечатление, поскольку это расхожее мнение часто встречается в тантрической литературе. Я представлял себе тысячи способов приблизиться к ней, попытаться увидеть ее и убедить ее принять меня как ученика.

Я первым пришел под баньян. Рам пришел разжечь огонь, и пока он грел воду и молоко, я засыпал его вопросами о йогине.

– Как давно она живет у водопада?

– Чуть больше года.

– Ты когда-нибудь видел ее?

– Она чудовище. Глаза сумасшедшей, огромный красный язык, свисающий изо рта, капли засохшей крови на животе, растрепанные волосы. Некоторые жители деревни видели ее. Ночью она ходит по лесу с большим ножом и убивает животных, чтобы напиться их крови. Никто больше не ходит к водопаду, с тех пор как она там поселилась. Это очень опасно!

Рам попытался подражать ей, сделав страшное лицо и высунув язык.

– Она индианка?

– Нет, это колдунья из Тибета, спустившаяся с гор.

– Никто не ходит к ней в гости?

– Иногда через деревню проходят йоги. Мы думаем, что они идут к водопаду.

– Тибетцы?

– Нет, только индийцы.

– Тогда она, должно быть, индианка.

Во время всего этого разговора Рам старался не смотреть на меня. Я чувствовал, что он напряжен, раздражен и холоден. Он немного помолчал и приготовил две чашки чая, темного и ароматного. Пока мы пили маленькими глотками обжигающе горячий напиток, он сказал мне:

– Если ты мой друг, ты должен доверять мне. Если ты поднимешься туда, то никогда не вернешься. Она убьет тебя. Она съест твою печень и твое сердце. Остальная часть твоего тела достанется рыбам. Ты заплатил за аренду этого дома и ты больше не будешь в нем жить. Я не пойду искать тебя. Если ты хочешь встретиться с гуру, один из них живет рядом со Сринагаром. Он знаменитый. У него прекрасный ашрам, люди приезжают со всего мира, чтобы увидеть его. Это очень хороший старик. Если хочешь, я провожу тебя туда. Спроси врача, он знает. Хочешь, мы поедем на следующем автобусе?

– Нет. Я хочу остаться здесь, чтобы издали посмотреть на это чудовище у водопада. Если она будет выглядеть так, как ты говоришь, я вернусь.

– Ты не первый, кто хочет с ней познакомиться. Опасность в том, что она может становиться невидимой, и когда ты доберешься до водопада, она может убить тебя, прежде чем ты даже успеешь схватить камень.

Я допил еще одну чашку имбирного чая и, не убежденный рассказами Рама, решил этим же ясным утром подняться к водопаду. Я обдумывал, что взять с собой. Я не знал, удастся ли мне увидеть ее, не говоря уже о том, чтобы поговорить с ней. После нескольких минут раздумий я положил в рюкзак спальный мешок, немного чая, немного провизии, одеяло, которое мне одолжили, и нож. Снова проходя мимо баньяна, я помахал Раму, но он не ответил. Я взял гирлянду цветов, подаренную Шиве в качестве подношения его Шакти, и отправился в путь.

С каждым шагом я пытался избавиться от мрачных образов, которые после слов Рамы проникли в мое сознание. Тем не менее тот факт, что мертвого человека нашли в реке, произвел на меня впечатление. Я достаточно близко познакомился с нагами и шиваистскими аскетами и знал, что они могут быть агрессивны. Даже индийская полиция отказывалась арестовывать их, потому что их полное безразличие к тюрьме и их магические способности вызывали неконтролируемый ужас у других заключенных и приводили к бунтам. Ничто не могло остановить этих аскетов, и для многих западных журналистов, пытавшихся их заснять, все закончилось плачевно. Я вспомнил, что некоторые из них были брошены в Джамну или сброшены с башни во время Кумбха-Мела, одного из великих религиозных праздников, который иногда собирает более миллиона индийцев всех религиозных убеждений.

И вот я оказался в тишине рядом с горой. Мой страх рос как на дрожжах и теперь полностью завладел мною. Все попытки успокоиться имели обратный эффект. Я не раз спрашивал себя, не повернуть ли мне назад.

Мое любопытство усиливалось, и к десяти часам я услышал шум водопада. Я сел и попытался придумать способ подойти поближе. Если бы я поднялся прямо в хижину, у меня был бы шанс найти там йогиню, но я также рисковал потревожить ее и встретить плохой прием. Если бы я пошел искупаться, так сказать, ненавязчиво предупредив о своем присутствии, я рисковал бы больше не найти ее, приходя к ее жилищу.

Я выбрал третий вариант: приблизился к хижине на расстояние ста метров, оставил подношения с едой и гирлянду, сделал три низких поклона в тибетском стиле и отступил к водопаду, где нашел плоский камень для медитации. Я хотел, чтобы она поняла, что мною движет не любопытство, а желание проявить уважение к ней, и дать ей возможность тем или иным способом позвать меня.

Несмотря на стабильность позы, мне было очень трудно обрести спокойствие. Я медитировал два или три часа, искупался, обсох на солнце и снова погрузился в медитацию. В отличие от первого раза у меня ни разу не было ощущения, что за мной наблюдают. После полудня я перестал медитировать. Я был голоден и понял, что предложил Шакти всю свою провизию. Мне до смерти хотелось узнать, приняла ли она мои подношения, и я снова поднялся на лужайку.

Оказавшись там, я, к своему великому разочарованию, убедился, что все на месте. Я едва мог разглядеть хижину, скрытую за деревьями, но мне показалось, что если йогиня была там, то она могла видеть меня. Я сделал еще три поклона и направился обратно в деревню. Примерно на полпути, к моему большому удивлению, я увидел очень встревоженного Рама, ожидающего меня. Тронутый его участием и беспокойством, я взял его за руку, и мы пошли по живописным местам, спускаясь все ближе к маленьким домикам, разноцветным сари, аппетитным запахам и крикам детей.

– Если ты действительно хочешь увидеть ее, то должен предложить молоко, имбирь, рис, хороший чай, чечевицу, яйца, специи, благовония и очень красивую гирлянду цветов. Дай мне двенадцать рупий, и я найду тебе все это к завтрашнему дню, – сказал Рам, который понимал, что я не остановлюсь.

Мы вместе поужинали, и я рано лег спать, готовый уйти на рассвете, нагруженный подношениями.

Я карабкался вверх быстрее и вскоре добрался до лужайки, где с удовлетворением отметил, что мои вчерашние подарки исчезли. Затем я положил то, что принес Рам, поклонился и вернулся к медитации на моем камне. Путешествие было более спокойным, и медитация была более глубокой, а разум – более просветленным.

Я ждал до позднего часа, а потом поторопился, чтобы вернуться в деревню, и обнаружил, что Рам ждет меня на том же месте. Он начал принимать участие в моих поисках и с нетерпением переступал с ноги на ногу, как будто что-то упустил. Я снова дал ему несколько купюр по десять рупий, на которые он купил спички, свечи и шаль из чистой шерсти. Я восхищался дальновидностью, с которой он оценил нужды одинокого аскета, и полностью доверял ему.

На этот раз подарки были приняты. В тот момент, когда я собирался оставить гирлянду цветов и свои подношения, я увидел йогиню, стоящую на краю леса. На ней была легкая одежда: бриджи и туника. Ее длинные черные волосы были распущены. Я не мог отчетливо видеть черты ее лица из-за большого расстояния. Я почувствовал, как сильно бьется мое сердце; я сделал три поклона и приблизился. Она оставалась неподвижной. Я постепенно рассмотрел ее лицо и не увидел ни огромного языка, ни пятен крови, ни диких выпученных глаз. Напротив, я нашел что в ее облике вовсе нет недостатков, она была открыта, красива и благородна.

Когда я стоял перед ней, она смотрела на меня своим необычайно сверкающим взглядом. Ей было около сорока, но ничто не говорило о том, что она ведет аскетическую жизнь. Она была одновременно легкой и сильной, близкой и далекой. На ней было красное ожерелье, украшенное маленькими колокольчиками. Ее взгляд излучал безмерное сострадание, которое, казалось, смягчал ее более сдержанный вид. Я был поражен, когда она обратилась ко мне на прекрасном английском языке.

– Откуда ты приехал? Что ты ищешь?

– Из Франции... Я ищу того, кто поможет мне понять и освоить практику шиваизма, кундалини-йоги.

– Я не знаю кундалини-йоги.

– Разве ты не тантристка?

– Что ты знаешь о тантризме?

– Несколько лет назад один китайский йог дал мне копию своего перевода Виджняна-бхайрава-тантры. Я часто читаю его. Он даже сейчас у меня.

– Покажи мне его.

Я достал его из верхнего кармана рюкзака, где хранил записи и книги. Она быстро пролистала его и вернула обратно.

– Этот китайский йог – самозванец. Это не Виджняна-бхайрава-тантра. Но ты мне не ответил. Что ты знаешь о тантризме?

– Я предполагаю, что в тантризме есть практика, которая ведет к достижению гармоничных отношений с собственным сердцем и открытию там Шивы.

– В тантризме нет подобной сентиментальности.

– А сексуальные практики, они существуют?

– Если бы в тантризме существовали сексуальные практики, как бы я могла посвятить себя им, если я прожила одна шестнадцать лет?

– Может быть, ты стала выше секса?

– В тантризме нет ничего, над чем можно было бы возвыситься.

Внезапно мои мысли перестали блуждать. Я почувствовал, что таю под ее взглядом, и на мои глаза навернулись слезы.

– Я хотел бы следовать вашему учению.

– Меня не интересуют твои эмоции. У тебя есть представление о том, что именно ты ищешь. Как ты можешь это найти? Я ничего не могу тебе дать. Возвращайся в долину.

Я простился с йогиней в состоянии сильного волнения, раздетый догола ее взглядом. Я взял рюкзак и сделал несколько шагов назад. Когда я обернулся, она заговорила со мной более мягким голосом, с неопишуемой улыбкой.

– Ты как горбун, вышедший на природу. Ты воображаешь, что, если уйдешь из города, никто не увидит твой горб. Забудь, как другие относятся к тебе, и подумай над своим горбом. Это самое ценное, что у тебя есть.

На обратном пути в деревню я разрывался между ощущением полной неудачи и надеждой на благоприятную возможность.

Когда Рам увидел меня, он сразу понял, что что-то произошло. Кроме того, он приветствовал меня, смеясь:

– Ты ходишь как старик!

Я выпрямился, выпил несколько чашек чая и рассказал Раму о своем приключении, смакуя вкусные картофельные оладьи с карри и горчичными зернами, которые приготовила для нас его мать.

Последующие дни я провел, поглаживая свой горб, и понял, что могу предстать перед йогиней только полностью открытым, без желаний и целей.

Каждое утро я делал подношения лингаму Шивы, находящемуся под баньяном, надеясь, что этот каменный фаллос в конце концов запечатлеется в моем сердце и откроет его для всех измерений пространства.

Глава 5

Когда я вернулся к хижине с простой гирляндой в качестве подношения, я был полон уверенности и радости. Я нашел йогиню медитирующей перед хижинкой. Я поприветствовал ее по-индийски, держа ладони перед сердцем, как лотос, готовый раскрыться, и сел довольно далеко от нее. Ее глаза были полужакрыты. От всего ее существа исходили грация, красота и сила, как будто за долгие годы уединенной практики она выросла в землю и ее глубокие корни позволили ветвям гармонично разрастись.

Она открыла глаза. Я снова поздоровался с ней и подошел, протягивая гирлянду цветов, которую она повесила себе на шею.

– Это все, что ты принес мне сегодня? – иронично спросила она.

После нескольких неловких мгновений я снова поклонился, как бы говоря ей: я принес свой горб, я принес свое сердце. Но я молчал, потому что это казалось мне одновременно наивным и высокопарным.

– Я приму тебя при условии, что ты глубоко обдумаешь то, что я собираюсь тебе сказать, и решишь, хочешь ли ты продолжать этот поиск, – сказала она, как будто услышав меня.

Полный радости, я поблагодарил ее.

– Пойми, что это очень глубокие обязательства с моей и твоей стороны. Встав на этот путь, с него нельзя сойти. Если ты принимаешь это решение, ты должен придерживаться его в самые трудные моменты, потому что если ты откажешься от этого пути, у тебя могут быть большие неприятности. Я предлагаю тебе пройти по лезвию бритвы. Как только ты начнешь, ты не сможешь перейти на бег, или остановиться, или вернуться назад. Ущерб будет очень серьезным. Ты можешь продолжать только в том же темпе. Иногда ты будешь противиться этому. У тебя создается впечатление, что я обращаюсь с тобой так, как будто ты никогда не упражнялся, как будто ты ничего не знаешь. Будет задета твоя гордость. Ты будешь думать: «Я делал это, я делал это. У меня был учитель, и кто такая эта женщина, чтобы так со мной обращаться?» Ты будешь сомневаться в себе, в пути, во мне. Ты будешь злиться. Возможно, ты возненавидишь меня. Но я всегда буду рядом и буду ждать, пока ты успокоишься, чтобы мы могли снова продолжить путь. Как тебя зовут?

– Карма.

– В тантризме карма считается иллюзорной, но я буду называть тебя Кармой.

– А как мне тебя называть?

– Иногда я Кали, разрушительница, иногда я игривая Лалита, иногда я Кубджика, гончар, но я всегда Дэви, богиня. Так что зови меня Дэви. Сначала, когда пришел, ты делал низкие поклоны. Сегодня ты приветствовал меня в индийском стиле. Когда ты это делаешь, что тебе приходит на ум?

– Я чувствую преданность, уважение, надежду на получение и понимание самых ценных учений.

– Как ты думаешь, есть ли принципиальная разница между тобой и мной?

– Да, ты учитель.

– Когда ты приветствуешь меня, не кланяйся тому, кто может быть тем, кем ты не являешься. Даже если бы перед тобой стоял Шива, никогда не кланяйся чему-то далекому и недостижимому; напротив, кланяйся тому, что связывает нас и что делает по сути похожими, что делает Шиву и его спутницу, Бхайрави, по сути не отличающимися от тебя и меня.

Когда ты кланяешься, низко кланяйся перед божественным, которое находится в нас в этот момент, перед божественным, которое никогда не было отделено от нас. Перед божественным, которого нет нигде, кроме как в нас самих. Перед божественным, к которому никогда нельзя приблизиться или отдалиться от него. Перед непостижимым божественным, из которого создано все наше существо, подобным структуре глины, из которой гончар создает нашу форму.

Пока ты представляешь себе путь, который отделяет тебя от божественного, ты готовишься к длительному блужданию, и это блуждание никогда не закончится, потому что чем больше ты думаешь, что приближаешься к божественному, тем больше оно ускользает от тебя.

Шива непостижим, недостижим, и все же невозможно дистанцироваться от него, потому что по сути ты – это Шива. Ты приветствуешь меня, ты приветствуешь божественное, которое связывает нас, как земля, по которой мы оба ходим, как небо, в котором теряется наш взгляд.

Дэви сделала долгую паузу. Она смотрела на меня так, словно ее слова постепенно проникали в мое сознание. Она говорила медленно, тихим голосом, как рассказывают сказку ребенку. Я посмотрел на нее и вдруг понял, что меня привел сюда очень длинный путь. Я вспомнил образ бритвы, который она использовала, и спросил себя, хватит ли у меня смелости следовать этому учению. Я не мог себе представить, как она могла бы вызвать во мне реакцию сомнения, неприятия и ненависти, которую она предсказывала. Я вдруг подумал о Калу Ринпоче, который дарил мне свои учения, не подвергая меня ужасным испытаниям. Это правда, что западные люди часто нетерпеливы в своих поисках и что Калу Ринпоче научил меня терпению. Я видел, как многие западные люди приезжали и, проведя три или четыре дня в монастыре, отправлялись на поиски учений, требующих меньшего времени для овладения ими. Дэви снова заговорила тем же спокойным голосом:

– В тантризме, по сути, нет ни храма, ни Бога, ни догм, ни убеждений. Существует только огромная пуповина, которая объединяет каждое существо и каждый предмет в божественном. Пережить пробуждение – значит увидеть это во всей полноте, хотя бы на секунду. Пережить великое пробуждение – значит постоянно развиваться в этом едином бесконечном пространстве, с которым связано сознание, когда Шива и Бхайрави становятся единым целым, когда экстаз их союза заполняет сознание, открытое так широко, что оно уже не может сказать: «Я – сознание, я безгранично, я – божественное в своей полноте».

Сознание – это место поклонения. Сознание – это священный текст. Сознание – это путь. Сознание – это место жертвоприношения. Сознание – это огонь. Сознание – это место ритуального единения. Сознание – это место самадхи. Сознание – это пробуждение. Сознание – это обитель богов. Сознание – это время. Сознание – это пространство. Сознание – это кувшин, сосуд, из которого вытекает божественное.

А что делает поклоняющийся? Он очищает храм. Как? Попросив всех, кто вечно сидел там, уйти, чтобы он мог подмести, омыть свежей водой, взятой из реки, камни, разбросать лепестки роз. Очень быстро поклоняющийся начинает обращать внимание на тех, кто сидит

в его сознании и отказывается покидать этот храм. Почему они это делают? Потому что, как и мы, они боятся. Именно из-за страха сознание остается захлавленным. Это не маленькие страхи, которые легко определить, не боязнь чего-то конкретного. Это большой главенствующий страх, на основании которого мы строим все наши мечты и который однажды парализует нас и разрушает то, что мы так старательно строили.

Наступает день действовать. Ты очищаешься, купаясь в священной реке. Ты чувствуешь себя живым и полным решимости. Ты приносишь чистую воду, берешь метлу, собираешь корзину лепестков роз иходишь в храм сознания. Это и есть медитация: войти свежим, с живым и открытым разумом в храм сознания. Ты видишь всех, сидящих в твоём сознании, неподвижных, приросших к земле, окаменевших. Они были там так долго. Они так сильно любили тебя, дали тебе так много, так много берегли тебя. С самого детства их голоса направляли тебя. Даже сейчас, в этот момент, когда они смотрят, как тыходишь, готовые очиститься, посвежить и благоухать, они говорят с тобой, и ты слушаешь: «Послушай, вот что мы о тебе думаем. С самого детства мы пытались уберечь тебя от опасности, предупредить о жизненных ловушках. Мы наказываем тебя, когда ты совершаешь ошибку, но когда ты слушаешься нас, когда ты хороший мальчик, мы вознаграждаем тебя, мы хвалим тебя, благодаря нам у тебя все не так уж плохо. Так вот, не прогоняй нас. Продолжай слушать наши голоса, следуя нашим советам. Мы хотим только лучшего для тебя. Свобода? Это хаос. Слушай нас внимательно, следуй тому, что мы тебе покажем, и все будет хорошо».

Но сейчас ты знаешь, что слишком много слушал этих серых людей, что они здесь только для того, чтобы не дать тебе разбросать лепестки роз и омыть сознание чистой водой. Что все идет не так хорошо. В тебе столкнулись два страха. Как будто они оказались нос к носу в темном лесу, полном скрипа и треска и других пугающих звуков. Один страх говорит себе: «Будем надеяться, что он не сделает ничего, чтобы изгнать нас из храма!» Другой страх говорит себе: «Будем надеяться, что они не встанут, чтобы выйти! Что станет со мной без них!» И вот так, день за днем, человек идет на компромисс с сознанием, выслушивает упреки и получает поддержку, подчиняется и становится тем, для кого серость приемлема. Все общество обожает монохромный серый цвет. Серый – самый распространенный цвет. Есть миллионы его разновидностей. Серый – идеальный цвет для социальной маскировки. Именно благодаря серому цвету нам удастся существовать в обществе, растворяться в огромном котле страданий и повседневного насилия.

Дэви чувствовала, что это страдание, это «повседневное» насилие вызывало во мне сильные чувства. Она замолчала и испытующе посмотрела на меня. Позволяя размотаться клубку моих мыслей, она, казалось, касалась каждой петли. Мне показалось, что она прислушивалась к моему молчанию. Эти страдания и насилие были причиной моего пребывания здесь. Я хотел попытаться положить им конец, не перекладывая ответственность на других, не желая, чтобы другие перестали быть жестокими. Дэви заставила меня осознать мою собственную ответственность. Какая часть моего сознания связывала меня со страданием и насилием? Как я сам был машиной разрушения? Каким образом тело, это огромное поле битвы клеток, было прообразом мира? Как мне заняться практикой, которая могла бы изменить мир начиная с единственной непосредственно доступной вещи: моего собственного осознания реальности? Дэви начала отвечать мне:

– В тантризме по сути есть только один цвет: красный. Цвет живого сердца, цвет крови, цвет огня, цвет роз и языка, цвет раскрытой вульвы, цвет эрегированного пениса, цвет солнца, которое согревает отшельников, цвет круга огня, который нужно пересечь, чтобы достичь осознания. Имя Шива происходит от корня *Shiv*, что на тамильском языке означает «красный».

Сначала тантрист побеждает этот страх. Он испускает громкий крик, крик возрождения, и изгоняет всех этих маленьких серых человечков из сознания. Это очень трудно. Требуется много мужества, чтобы разбрызгать свежую воду и рассыпать лепестки роз на голые камни

храма. Есть только одно желание: бежать за серыми людишками и смиренно просить их вернуться. Кроме того, долгое время они ждут снаружи храма. Они остаются в пределах слышимости. Они ждут, когда мы проявим слабость.

В течение нескольких секунд ты чувствуешь себя очень одиноким, покинутым всеми. Это пространство слишком большое и слишком пустое. Ты дрожишь. Тебе трудно выбросить все, что оставили маленькие серые человечки, и как бы занять их территорию. Тебе трудно найти воду, чтобы омыть камни. Но как только ты вымоешь их, как только ты разбросашь лепестки, ты почувствуешь великую свежесть – божественное, ароматное, полностью открытое пространство. Это твое собственное пустое сознание.

Затем наступает самый трудный момент, гораздо более трудный, чем даже отказ от своего страха. Когда храм пуст и сияет так, что в нем мерцает свет, его наполняют песни птиц и ароматы, а лунные лучи делают его еще более просторным, мы радуемся своей мудрости и дальновидности и говорим себе: «Теперь это место абсолютно чисто. Это идеальное место для хранения возвышенных учений, к которым я получил доступ. В этом храме я буду хранить самые ценные плоды мудрости, чтобы питать свое сознание».

Поначалу ты прекрасно себя чувствуешь. Ты знакомишься с великими и прекрасными идеями, чистым идеалом, блестящими учениями. Кажется, вся Вселенная рада принять участие в реализации твоего плана. Мало-помалу ты создаешь очень красивую теорию мира и совершенствуешь свои знания. Однако все постепенно и незаметно меняется. Сначала ты этого не замечаешь. Ты цепляешься за мысль о том, что в храме есть только возвышенное; тем не менее ты уже не чувствуешь себя там совершенно спокойно, особенно потому, что ты хочешь видеть, как другие принимают эту истину, полученную дорогой ценой. Ты уже начинаешь применять насилие по отношению к другим и к себе.

Однажды ночью, когда ты спишь, тебе кажется, что ты слышишь голос, потом два, потом десятки голосов, а утром, когда ты просыпаешься, ты видишь, что все маленькие серые человечки вернулись в храм. Ты слушаешь их шепот, сначала тихий, потом все более и более назойливый. Для того чтобы проникнуть в храм, они пытались найти возможность присоединиться к идеям и убеждениям, которые ты пустил в пустой храм.

Я чувствовал себя обезоруженным способностью Дэви возвращать мне мою собственную ответственность, ее манерой «обучения по спирали», при которой все мои вопросы находят ответы.

– А теперь возвращайся к себе. Если ты действительно хочешь очистить храм, вернись, когда будешь готов. Возьми с собой достаточное количество провизии на длительный период времени, приведи дела в порядок, и я научу тебя пути тантризма.

Глубоко тронутый, я склонился перед божественным в нас, но это была всего лишь идея. Я действительно не чувствовал пуповину, о которой она говорила.

– Не забудь про лепестки роз, – сказала Дэви.

Глава 6

Я вернулся к хижине с рисом, овсяными хлопьями, ячменной мукой, сыром, солью и сахаром. Я принес керогаз, кухонную утварь, книги, спальный мешок и одеяло, которое мне одолжили.

Дэви, завернувшись в легкую шерстяную шаль, шла по опушке леса. Казалось, она что-то ищет. Я положил рюкзак и поприветствовал ее, и она ответила на мое приветствие. Сегодня утром она была веселой и игривой. Когда она смеялась, становилась похожей на беззаботного подростка. Я уже был поражен ее способностью меняться, хотя знал только одну или две из ее бесконечных ипостасей.

– Здесь ты построишь себе хижину. Тебе будет хорошо здесь, это место защищено от ветра и находится рядом с водопадом и родником, где мы черпаем воду. Когда ты закончишь, отдохни, спустишься вниз, чтобы искупаться, и принеси несколько камней, чтобы сделать очаг. Затем приходи ко мне в хижину.

Как только Дэви ушла, я подготовил место, а затем пошел в глубь леса в поисках подручного материала. Мой нож был достаточно острым, чтобы использовать его как топор. Я построил из веток хижину с наклонной крышей. Мое пристанище получилось около двух метров в длину и полутора метров в ширину. В этом сезоне можно было не беспокоиться о дожде, но я рассчитывал, что ночи будут прохладными, взяв с собой спальный мешок, предназначенный для гималайского холода. Температура, очень приятная в течение дня, быстро падала после захода солнца. Мне потребовалось семь или восемь часов, чтобы построить это импровизированное убежище, которое выходило на лужайку метрах в пятидесяти от дома Дэви.

Когда с этим было покончено, я надул матрас и разложил постель, одеяло, книги и маленькие сокровища, находившиеся на дне рюкзака: свечи, спички, зажигалку, керосин и новый фитиль для плиты, чтобы было на чем приготовить еду. В целях экономии я решил использовать плиту для приготовления чая и завтрака, а в остальных случаях разжигать костер.

Я осознал, что со мной произошло, только когда подошел к большому водоему с зеленой водой и погрузился в него. Я сделал этот шаг. Теперь я отрезан от мира. Я начал дрожать, но не от холодной воды, а от глубинного страха, который только теперь начал охватывать меня. Когда солнце зашло, я быстро вытерся, оделся и начал карабкаться вверх, прихватив с собой камни, которые должны были сохранять тепло дольше, чем угли.

Когда я подошел к хижине Дэви, она велела мне войти. Огонь излучал нежное тепло. Устроившись на сложенном вчетверо старом одеяле, она попросила меня принести свое и занять место напротив нее.

После того как я уселся, она долго смотрела на меня. Освещенные пламенем, ее темные глаза блестели, создавая впечатление фонтана любви, льющегося на меня. Ее взгляд также обладал чем-то вроде силы огня в лесу, который отгоняет все воображаемые образы и картины,

постоянно появляющиеся перед нами. Она раскрыла ладонь, и я увидел там несколько мелких камешков, которые она, должно быть, собрала у реки. Рядом со мной стоял горшок. Она бросила камешек, и горшок зазвенел. Я улыбнулся, потому что она попала точно в цель.

– Этот горшок символизирует твой разум. Каждый раз, когда ты перестанешь быть здесь, находя убежище в своих мыслях, я буду бросать камешек. Таким образом ты осознаешь те препятствия, которые ты создаешь, чтобы убежать от реальности настоящего момента. Когда мы смотрим друг на друга, Шива и Шакти смотрят друг на друга. Почему Шива и Шакти божественны? Потому что ничто не мешает им быть друг с другом. Быть Шивой несложно. Достаточно присутствовать, быть полностью в настоящем моменте. Если бы ты осознал только одну эту тантрическую идею, ты познал бы божественное. Ты был бы неотъемлемой частью божественного, которое тебе нравится воображать во мне, но которое ты все еще не осознаешь в себе. Никакой аскетизм не ведет к далекому божеству. Все, что мы воображаем в другом месте, находится в нас самих. Быть Шивой – значит спонтанно осознать это. Готов ли ты омыть храм?

– Да. Я думал об условиях, которые ты поставила. Я согласен идти до самого конца. Дэви рассмеялась.

– Это очень мужественно с твоей стороны. Я заходила в твою хижину. Она построена хорошо. Следуй моим учениям таким же образом.

Я поблагодарил ее за то, что она приняла меня в ученики. Затем она задала мне вопрос, который полностью сбил меня с толку:

– Расскажи мне о своем первом опыте пробуждения.

– Если я здесь, то именно потому, что у меня не было никакого опыта пробуждения.

– Если у тебя нет никакого опыта пробуждения, я ничего не могу для тебя сделать.

Она сделала паузу, глядя, как усиливается мое замешательство. Затем она заговорила снова:

– Без предшествующего опыта пробуждения ни аскетизм, ни практика, ни медитация не приносят плодов. Без опыта пробуждения нет источника, и поскольку вся тантрическая садхана состоит из возвращения к источнику, человек блуждает, не зная, куда идти. Ты можешь следовать моим учениям в течение тридцати лет. Но без предварительного опыта пробуждения ты ни к чему не придешь. Посмотри в глубь себя. Подумай о своем детстве, юности. Там можно найти опыт пробуждения. На Земле нет существа, у которого не было этого фундаментального опыта.

Дэви встала и положила правую руку на мою голову. Я почувствовал чудесный свет и тепло, и вдруг в моем сознании появился образ.

– Мне было одиннадцать лет. Я был на каникулах в горах. Я познакомился с девочкой моего возраста, и однажды вечером мы пошли по тропинке, которая находилась выше деревни. Мы держались за руки и шли молча. В какой-то момент мы остановились и посмотрели на небо. Невероятно яркие звезды казались очень близкими. У меня было впечатление, что я полностью растворился в небе. Это продолжалось несколько секунд. Можно ли это назвать пробуждением?

– Когда не остается ощущения эго, двойственности, умственных операций, которые заставляют нас говорить: «Как это прекрасно, как это бесконечно!» – когда ничто не ограничивает переживание, когда разум заново открывает пространство, тогда это пробуждение.

Отныне ты больше не находишься в поиске абстрактного или отсутствующего состояния. Ты не ищешь ничего, чего бы уже не было внутри тебя. Эта способность удивляться и есть сама сущность пробуждения. Именно она делает тебя человеком. Все остальные поиски, все другие удовольствия – это увливание.

– Но я думал, что есть настоящее пробуждение, и только с ним может прийти избавление, конец иллюзии.

– Между пробуждением, о котором ты знаешь, и пробуждением, о котором знаю я, есть только одно различие. Это длительность. И когда ты осознаешь, что времени не существует, как твое пробуждение может уместиться в ограниченном промежутке времени?

– И нет никакой разницы в интенсивности?

– Никакой. Интенсивность возникает в результате того, что этот процесс бесконечен. Нет возврата к ограничивающим действиям. Вся деятельность, вся игра разума происходит в рамках пробуждения. Все может появляться и исчезать, все можно попробовать во всей полноте.

– Но почему мы теряем способность удивляться?

– Потому что в сознании поселяются маленькие серые человечки. Образование, общество, любовные муки, ненависть, желания, ревность, амбиции, умственные и материальные поиски – все это делает нас чужими для самих себя. Мы думаем только о копировании, подражании, достижении новых состояний, и независимо от того, исполняются наши желания или нет, мы теряем ощущение счастья. Затем мы начинаем представлять себе рай и ад, существующие отдельно от нас. Это замечательная уловка, которая позволяет нашему сознанию существовать вне экстаза. Если бы человек знал, что он сам есть Бог, рай и ад, никакие иллюзии не имели бы над ним власти; ничто не могло бы ограничить его сознание. Представление о рае вне нас позволяет страданию стать атрибутом жизни, поддерживаемым обществом на таком высоком уровне, что мы больше не можем убежать от него. Как бы мы ни были счастливы в жизни, приходит день, когда мы решаем ограничить наше сознание, иссушить его.

Что касается мистических кризисов подросткового возраста, великих бунтов, которые заставляют нас сомневаться в пути, указанном другими, однажды мы отступаем и решаем отдать наш воображаемый долг обществу. Мы принимаем смерть нашего истинного «Я». И самый большой обман заключается в том, что эта смерть никого не беспокоит. Напротив, ее ожидают, приветствуют и вознаграждают за нее. Как только человек принимает эту духовную смерть, ему становится чрезвычайно трудно следовать другим путем. Для этого необходимы огромные усилия и очень большое мужество. Те, кто принял собственную смерть, имеют только одну возможность: стать последователями религии или группы, которая ставит божественное вне человека. Таким образом, все подчинено общественному порядку и интересам, соответствующим интересам церкви и сект, которые действуют на одной и той же общей основе: смерть божественного сознания. Движущие силы – это чувство вины, страх, послушание. Результатом является жесткость, отстраненность от ощущений, одержимость, пуританство, насилие, нравственные нормы, изгнание. В Индии, Америке, Китае, на Ближнем Востоке, в Европе – во всем мире мы видим такой способ действия.

Для того чтобы стать тантристом, нужно только осознать чистую и небесную природу сознания и позволить ей овладеть твоей жизнью.

Когда это происходит, никакая социальная игра, никакие наркотики, никакой ограниченный идеал не могут запечатлеться в сознании, но прежде всего никакая деятельность в мире не способна отнять это сияние. Тогда тантрист может жить в обществе и оставаться стойким как алмаз.

– Нужно ли много последовательных пробуждений перед великим пробуждением?

– Если ты думаешь, что существует великое пробуждение, ты пойман в ужасную ловушку, которая заставит тебя путать пробуждение с этим конечным состоянием. Ты останешься заблокирован, приняв его за то, чем оно не является. Основа тантрической садханы всегда состоит в том, чтобы ждать, когда будет сорвана новая завеса, а твои духовные качества, твоя личность не заостенеют. В природе ничто не перестает развиваться, бесконечно трансформироваться.

Искать стабильное состояние – значит отрезать себя от реальности. Все основано на дыхании. Ты можешь вдыхать в течение трех часов? Нет. Ты вдыхаешь и выдыхаешь. Мы следуем за движением Вселенной, входя и выходя, открываясь и закрываясь, расширяясь и сжимаясь. Вся деятельность осуществляется в этих двух формах, и именно их полное понимание, их полная интеграция в нашу практику позволяет сознанию дышать. Никогда не забывай, что сознание дышит.

– Ты говорила о том, что наше счастье начинается в жизни. Что ты хотела этим сказать?

– Быть зачатым через любовь – это счастливый случай. Родиться у любящей женщины – это счастье. Родиться у йогини – это счастье. Жить в гармоничной семье, встречаться с другом, затем с духовным учителем – это счастье. Быть уверенным в себе – это счастье. Иметь силы для бунта – это счастье. Ни за что не цепляться – ни за философию, ни за убеждения, ни за догму – это счастье. Вспомнить случай пробуждения и вернуться к этому источнику – это счастье. Знать хоть одно из всего этого – это счастье.

Дэви налила две чашки свежей воды и протянула одну мне. Я взял ее и, собираясь пить, увидел в ней свое отражение. Я остановился на секунду. У меня возникла идея. Я услышал, как в горшок упал камешек. Я выпил. Никогда еще вода не казалась мне такой чудесной.

– Я протягиваю тебе чашку свежей воды. Вода кажется тебе очень вкусной, если ты здесь, и безвкусной, если ты погружен в свои мысли. Ты здесь, обращен лицом ко мне, и ты счастлив, потому что думаешь, что пьешь из моего источника. Для того чтобы ощутить неповторимый вкус, нужна всего лишь чаша действительно свежей воды, но если ты будешь пить из чужого источника, то никогда не станешь фонтаном. Пробудиться – значит стать для других источником, который не иссякает. Иногда предложить чашу свежей воды достаточно, чтобы изменить жизнь. О чем ты думал, глядя в воду?

– Кажется, я начал думать о пустоте, но ты бросила камешек в горшок, и его звон отвлек меня. В прошлом я все время думал о пустоте. Я был одержим этим. Это то, что в буддизме кажется мне самым трудным для понимания. Я постоянно думаю о пустоте, как будто это великая тайна.

– До того как я стала тантристкой, мне самой нравилась идея пустоты. Мой отец был гончаром, и с раннего детства я была очарована его руками, которые скользили по глине вокруг пустоты и лепили из этой пустоты удивительные предметы. Подростком я хотела быть гончаром, но из-за отличных оценок учителя сказали родителям, что я стану учителем. Для них это означало значительное повышение социального статуса. С тех пор отец запретил мне помогать ему. Он возлагал на меня большие надежды. Однажды я стала учителем. Я вышла замуж за учителя, и вскоре после моего замужества, на рынке, я увидела женщину возраста моей матери, которая продавала кувшины, горшки и чашки. У нее были натруженные руки, и я, сама не зная почему, подошла к ней и прикоснулась к ее рукам. Я почувствовала замечательную мягкость, которую глина придает коже, и заплакала. Женщина утешила меня в своих объятиях. Я сразу же приняла решение. Пришла домой и сказала, что уезжаю. Муж жестоко избил меня, и как только он вышел из дома, я забрала свои сбережения из банка и убежала. Я поселилась в деревне, где не было гончара, и начала делать горшки и кувшины, все время думая о чудесной пустоте, которая вмещала мое сознание, и о моем чудесном сознании, которое вмещало пустоту. Мало-помалу я поняла, что пустота наполнена, что полнота пуста, что пустота заложена в глине и что если глина не осознает пустоту, она никогда не сможет стать горшком или кувшином. Я жила очень счастливо, пока однажды один тантрист не пришел купить кувшин для своего учителя. Я сказала ему, что хочу сама отнести этот кувшин его учителю в качестве подарка, свидетельствующего о моей свободе. Мы сели в автобус, а потом долго шли в горах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.